

**Асеев Александр
Дмитриевич**

канд. филос. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва, Российская
Федерация

ORCID ID: 0000-0001-6139-8700

e-mail: sanmich55@gmail.com

**Шишков Василий
Валерьевич**

канд. полит. наук, Институт права
и национальной безопасности
РАНХиГС, г. Москва, Российская
Федерация

ORCID ID: 0000-0001-5580-1591

e-mail: fh55@mail.ru

Империя в зеркале геополитики

Аннотация

В статье рассмотрены геополитические воззрения на империю как особый тип государства и политики, закономерности его развития и место империи в теоретических построениях современной геополитики. Империя представляется масштабным экспансионистским, геополитически самодостаточным политическим образованием. При этом в геополитике традиционно выделяют континентальные (теллуократия) и морские (талассократия) империи. Исследования в рамках геополитического подхода фиксируют, что экстенсивный путь распространения имперского могущества влечет за собой недостаток ресурсов по поддержанию имперской системы, достигшей к этому времени своих максимальных пределов. Кризис, связанный с имперским перенапряжением, обозначает предел имперской экспансии, за ним следует падение империи с распадом на несколько мелких политических образований. В геополитическом аспекте империя-государство находится в тесной связи с устремлениями, направленными на доминирование не только по отношению к подчиненной периферии, но и другим менее значимым и мощным участникам международной политики. Способность империи выступать в качестве центра силы может рассматриваться в качестве одного из ее свойств. В целом геополитическая трактовка империи позволяет указывать на ее специфику, но не в качестве государства, а как особого типа политики, направленной на установление господства, содержанием которого выступает концентрация политических ресурсов и исключительное положение государства, образующего имперский центр. Геополитический анализ подчеркивает центральное положение имперской метрополии в координатах отношений центр-периферия, с одной стороны, выступающей в качестве источника политических установок и правил, с другой стороны – сосредоточения политических ресурсов и монопольного политического положения, обеспечиваемого в том числе превосходством в геополитическом позиционировании за счет долгосрочного стратегического планирования и политики.

Ключевые слова:

империя, геополитика, гегемония, имперское перенапряжение, экспансионизм, отношения центр–периферия.

Цитирование: Асеев А.Д., Шишков В.В. Империя в зеркале геополитики//Управление. 2019. № 1. С. 121–127.

Aseev Aleksandr

Candidate of Philosophical Sciences, State
University of Management,
Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-6139-8700

e-mail: sanmich55@gmail.com

Shishkov Vasili

Candidate of Political Sciences, Institute
of Law and Security Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-5580-1591

e-mail: fh55@mail.ru

Empire in the mirror of geopolitics

Abstract

The article deals with the geopolitical views of the Empire as a special type of state and politics, the laws of its development and the place of the Empire in the theoretical constructions of modern geopolitics. The Empire appears to be a large-scale expansionist, geopolitically self-sufficient political entity. While in geopolitics are traditionally distinguished continental (tellurocracy) and sea (thalassocracy) Empires. Studies in the framework of the geopolitical approach fixate, that the extensive path of Imperial power entails a lack of resources to maintain the Imperial system, which has reached its maximum limits by this time. The crisis, linked with Imperial tension, marks the limit of Imperial expansion, followed by the collapse of the Empire into several smaller political entities. In the geopolitical aspect, the Empire-state is in close connection with the aspirations to dominate not only the subordinate periphery, but also other less important and powerful participants in international politics. The ability of the Empire to act as a center of power can be considered as one of its characteristics. In general, the geopolitical interpretation of the Empire allows us to point to its specifics, but not as a state, but as a special type of policy, aimed at establishing dominance by the content, which is the concentration of political resources and the exclusive position of the state, forming the Imperial center. Geopolitical analysis emphasizes the central position of the Imperial metropolis in the coordinates of the center–periphery relations, on the one hand, acting as a source of political guidelines and rules, on the other hand, the concentration of political resources and monopolistic political position, provided, among other things, by superiority in geopolitical positioning due to long-term strategic planning and policy.

Keywords:

empire, geopolitics, hegemony, imperial overstrain, expansionism, center–periphery relations.

For citation: Aseev A.D., Shishkov V.V. Empire in the mirror of geopolitics (2019) *Upravlenie*, 7 (1), pp. 121–127. doi: 10.26425/2309-3633-2019-1-121-127

© Асеев А.Д., Шишков В.В., 2019. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная. (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

The Author(s), 2019. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Исследование империи как особого типа государства и политики тесно связано с геополитическими воззрениями, которые указывают на большую значимость контроля над пространством для установления политического господства. Геополитика, как направление политической мысли, зародилась в период наибольшего могущества империй эпохи модерна и на раннем этапе своего развития во многом стремилась открыть законы имперской экспансии и дать ответы на острые вопросы имперской политики. В условиях обостряющихся имперских противоречий между ведущими державами подъем почти всех империй подвергался анализу в рамках геополитических учений, выявлялись детерминанты политики, осуществлялся поиск географических и политических позиций, которые обеспечили бы стратегическую устойчивость государств-империй.

С позиций геополитики империя в общих чертах представляет собой тип государства, политическое доминирование которого в отношении разнородных этнических сообществ обусловлено его успехами в территориальном расширении и способностью развивать и поддерживать свою военно-политическую мощь. Следует оговорить, что эти признаки империи-государства не являются абсолютными. Имперские государства могли длительное время не расширять свою территорию, утрачивать ранее завоеванные области, их мощь могла быть ослаблена. Тем не менее, их государственность и характер политики оставались имперскими, ярким примером здесь выступает Византия. В данной статье империя понимается как тип государства и политики, основанной на господстве центра по отношению к периферии, связанный с концентрацией политической власти, ее ресурсов в руках консолидированной имперской элиты. В эпоху модерна новыми признаками империи стали колониальная экспансия, политика империализма, административно-политическая дифференциация способов управления имперской периферией.

В современном мире не осталось государств-империй. Вместе с империями в прошлое ушла эпоха империализма. Тем не менее, нельзя в полной мере сказать то же самое об имперской политике. Практически всем государствам, как отмечает школа реализма теории международных отношений, присущи устремления по обеспечению безопасности, отвечающие их национальным интересам. За пределами политики национальных интересов находятся имперские политические интересы, связанные с установлением господства и контроля в системе отношений центр–периферия. США свойственна политика, направленная на установление

глобального господства, обретение исключительного статуса в межгосударственных отношениях и концентрацию политических ресурсов, военной мощи, финансов и других. Эти ее характерные черты позволяют отметить имперские черты политики американского гегемонизма.

Говорить об установлении гегемонии Америки в современном мире не представляется возможным, в связи с тем, что такой статус США не получил надлежащей легитимации со стороны других государств. В постбиполярный период в политике США преобладал либеральный подход, полностью игнорирующий геополитический взгляд на государство и политику. Ряд современных американских исследователей – Р. Д. Каплан, У. Р. Мид, Дж. Фридман и другие – отмечают ошибочность такого подхода [9; 15; 16; 18]. С этих позиций пренебрежение геополитическими реалиями привело к неудачам по основным направлениям американской политики. При этом соперники США, «ревизионистские державы», такие как Россия, Китай, Иран добиваются новых геополитических успехов. Представляется неслучайным, что американские политические исследователи призывают политиков США брать пример с классических империй, прежде всего Британской, успех которых во многом строился на учете геополитических факторов.

Актуальность настоящей статьи подчеркивается и тем, что Россия переживает постимперский период своей истории, во многом связанный с поиском нового формата отношений со своей бывшей периферией, представленной ныне суверенными государствами. Успешная политическая стратегия не может не учитывать предшествующий опыт и то, что геополитические условия остались в целом неизменными при возросших требованиях к реализации национальных интересов и обеспечения безопасности.

Основоположниками геополитического подхода к осмыслению исторической динамики выступают Р. Челлен, Ф. Ратцель, А. Т. Мэхэн, Х. Дж. Маккиндер, К. Хаусхофер, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий. В рамках этого направления становление, развитие и падение империй объясняют в первую очередь, исходя из их географического положения. Различают морские (колониальные) и континентальные империи, противостояние между которыми представляется исследователями в качестве объективно обусловленного содержания исторического процесса. Историческая динамика представителями геополитического подхода трактуется как постоянное изменение баланса сил великих держав – империй в мировой политике. В важнейших с точки зрения классической геополитики регионах, например, Хартленд, Римленд, преобла-

дают то континентальные, то морские империи [4; 2]. В целом, по выражению В. Л. Цымбурского, классическая геополитика заполняла свои сказания противоборством планетарных имперских альтернатив и «битвами панидей» (К. Хаусхофер) [11, с. 41]. Концентрация морской и сухопутной мощи под эгидой одной империи представлялась классикам геополитики гарантией создания державы, способной контролировать на длительный период планетарные процессы.

Геополитика определяет причиной возникновения великих держав-империй силу пространства, сосредотачиваемую в государстве-империи. Определенные географические регионы (например, Хартленд) наделяют возникающие в них политические образования возможностями проецировать на пространство свое могущество и постоянно его наращивать. Утрата контроля над таким пространством означает упадок империи вследствие истощения ее сил. Империя может также потерпеть крах при столкновении с державой, обладающей более значимым с геополитической точки зрения пространством и, следовательно, большей мощью.

Представляется возможным говорить о том, что наряду с основными, центр-периферийной и идеократической трактовками империи как особой формы государства следует выделять и геополитическое понимание империи [12, с. 26].

Геополитическая трактовка империи, ее еще можно назвать пространственно-экспансионистской, концентрируется на пространственном масштабе империи по сравнению с другими политико-территориальными образованиями и ее экспансионизме.

Для отечественного философа Г. П. Федотова империя – экспансия за пределы устойчивых границ, ведущая к перерастанию сложившегося, исторически оформленного организма. В результате рождается империя с ее особым универсальным политическим самосознанием [6].

К. Фрумкин полагает, что большое относительно других, пространство империи прочно ассоциируется с идеей силы, могущества. Территориальная экспансия – средство приращения могущества, дополнительное пространство – источник новых ресурсов и выгод от географического положения, увеличения населения и т. п. Кроме того, исследователь отмечает, что нельзя также не учитывать иррационального обаяния пространства [10, с. 76–78]. В таком понимании сущность империи видится в масштабе подвластного пространства.

А. Ф. Филиппов отмечает, что «империя – это смысл (и реальность) большого и устойчивого политического пространства, длительно переносимый

на смысл неополитических действий и коммуникаций» [7, с. 34; 8, с. 463]. Согласно такому взгляду пространственная экспансия империи в наибольшей мере выражает ее сущность.

Дж. Брубэнк и Ф. Купер, рассматривают империю в качестве большой экспансионистской политической структуры, создававшей разграничения и иерархию по мере того, как они включали в себя все новых подданных [1]. Империя, вовлекая все новые народы в свою систему господства, подчеркивает их неравенство через иерархию имперского управления, исходящего из ее центра.

В целом империя представляется масштабным экспансионистским, геополитически самодостаточным политическим образованием. При этом в геополитике традиционно выделяют континентальные (теллурократия) и морские (талассократия) империи [2].

В рамках геополитического направления исследуются механизмы становления, развития и упадка империи.

Историческая динамика империй в геополитическом подходе подчинена законам распространения политического могущества – принципам геополитики, сформулированным Р. Коллинзом. Принципы представлены им в терминах расширения и сокращения территориального могущества государств [3].

Эти принципы указывают на то, что чем дальше империя расширяется за пределы своего центра (этно-географического ядра), тем выше становятся расходы на содержание инфраструктуры на периферии. При этом империи приходится направлять ресурсы на поддержание периферийных гарнизонов, демонстрировать свою военную мощь соседям, проводить операции по отражению нападений на границы.

А. Стинчкомбом предложил теоретическую модель, согласно которой величина военных ресурсов, которые могут быть направлены в какую-либо точку пространства, зависит, во-первых, от величины ресурсов, контролируемых предполагаемым правительством, во-вторых, от возможности их перемещения в данную точку [5; 20]. Тем самым, военная мощь (важнейший компонент могущества исторических империй) находится в зависимости от возможности ее перемещать на значительные расстояния.

Империя направляет свои ресурсы на поддержание своего присутствия на дальних и угрожаемых границах, подавление сепаратистских движений на периферии. В самом имперском центре нарастают противоречия по распределению ресурсов, недостаток которых в связи с оттоком на периферию становится все более ощутим. Внутренние раздоры и конфликты становятся прологом и причиной военных поражений от внешних врагов,

приводящих к краху систему обороны имперских рубежей и коллапсу имперской системы.

Исследования в рамках геополитического подхода фиксируют, что экстенсивный путь распространения имперского могущества влечет за собой недостаток ресурсов по поддержанию имперской системы, достигшей к этому времени своих максимальных пределов. Другими словами, имперская экспансия осуществляется быстрее, чем удается изымать ресурсы на обеспечение установления и поддержания империи. Наступает кризис имперской системы, содержание которого состоит в несоответствии ее размеров тем ресурсам, которые возможно сосредоточить в необходимом объеме и в необходимое время. Такой кризис, получивший название «имперское перенапряжение», обозначает предел имперской экспансии, за ним следует падение империи с распадом на несколько мелких политических образований. Зачастую империи удается преодолеть кризис экспансии, но напряжение по поддержанию имперской инфраструктуры на периферии приведет к новым кризисам, и вскоре империю постигнет крах.

Имперскую государственность традиционно рассматривают в тесной взаимосвязи с пространством. Такие свойства имперскости, как экспансионизм и значительная территориальная протяженность дают основания для характеристики империи в качестве геополитического актора. Действительно, в эпоху модернизации пространственные масштабы имперских систем достигли ранее небывалых масштабов. Как уже отмечалось, в начале XX в. большая часть территорий и народов оказалась подчинена империям или находилась в той или иной зависимости от них. Казалось бы геополитическое соперничество между государствами-империями выходит на первый план в их политике. В эту эпоху можно наблюдать колониальную «Гонку за Африку», «Большую игру» в Средней Азии, новый этап военного, военно-технического и военно-морского соперничества между империями и другие проявления роста международной напряженности. Тем не менее, эти проявления империализма в эпоху модернизации не только вынуждают ставить вопрос о соотношении с понятием «империя» таких категорий политической науки, геополитики и теории международных отношений как: «великая держава», «гегемония», «центр силы», но и, что представляется, даже более значимо, ставить вопрос о специфике имперской власти эпохи модерна. Империи-государства представляли собой различные политические конструкции, оставаясь в целом унитарными государствами, они формировались вокруг метрополии (в Европе

образующей национальное государство), в большей или меньшей степени следуя стратегии централизации при установлении своей монопольности в политической сфере.

Политические аспекты развития и существования государственно-имперских систем имеют определяющее значение для понимания и места империи среди других типов государственности, поскольку политика как сфера власти приобрела в них преобладающее (если не абсолютное значение), что нашло выражение в решении вопросов, связанных со стратегией имперского развития и в способах ее реализации. Завоевание, установление и удержание власти на все новых пространствах стало императивом для империи. При этом каждая из империй столкнулась с серьезными проблемами удержания в подчинении своего гетерогенного пространства, выработки принципов общеимперской легитимности в условиях политической дифференциации в отношении периферий.

Расширение геополитического пространства не выступает самоцелью территориального роста государства-империи. Потребности обеспечения безопасности (военной, экономической и т. п.) и концентрации ресурсов власти, возникающие в рамках имперского политического строя, диктуют необходимость территориального роста, не обязательно заключающегося в прямом и непосредственном включении той или иной территории в пространственное тело империи. Не случайно при исследовании генезиса государств-империй было обращено внимание на различные формы политической зависимости, устанавливаемые между центром и периферией. От доминионов, подразумевающих широкую автономию, до правления вице-короля, наместника, генерал-губернатора, означающих прямой диктат центра. Тем самым формируется особая иерархия периферий по степени их политической приближенности к центру, который выступает в качестве сосредоточения власти и обеспечивает свою легитимность концентрацией ее ресурсов.

Говоря об имперском политическом строе, германский исследователь К. Шмитт обращал внимание на то, что современный империализм изобретает все новые формы господства, получающие распространение вместе с развитием демократии в метрополии. «Колонии, протектораты, мандаты, договоры о вмешательстве и подобного же рода формы зависимости позволяют демократии сегодня осуществлять господство над гетерогенным населением, не превращая его в граждан государства, делать их зависимыми от демократического государства, и в то же время держать от этого государства

на расстоянии» [13, с. 11–12]. Все это позволяет говорить о формировании сферы влияния, имеющей под собой политические, экономические, военные и правовые основания, без которой не обходится государство-империя эпохи модерна.

При этом периферия выступает в двойной роли. С одной стороны, с позиции конституционного (государственного) национального права периферия не является частью метрополии. С другой стороны, с точки зрения международного права колонии-периферии, выступают как составляющая имперского государственного политико-территориального комплекса, в отношении которого действуют единые правила обеспечения безопасности от внешних посягательств и поддержания стабильности политического порядка.

Представляется необходимым различать «гегемонию» и «империю». Так, Дж. Най и Р. Кеохейн пишут о том, что гегемония — ситуация при которой одно государство обладает достаточной силой и желанием для поддержания обязательных правил в межгосударственных отношениях [17]. Дж. Най применительно к современному мировому лидерству США, уточняет, что «гегемон не нуждается в формальной империи», и термин «первенство» (primacy) является более точным для описания положения США в мире [19]. Следует обратить внимание на то, что согласно приведенной позиции говорится о «первенстве» США, а не об их «гегемонии». Тем самым автор стремится завуалировать гегемонистскую составляющую политики США, так же как концепция «мягкой силы» смещает акценты в ее восприятии другими участниками мировой политики.

Тем не менее, необходимо учитывать, что гегемонистская политика связана не только с сохранением существующих принципов, норм и стандартов отношений, но и с установлением новых, соответствующих интересам гегемона. При этом добровольное согласие на арбитраж первенствующего субъекта отношений сменяется вынужденным подчинением сильнейшему актору. Действительно, необходимым для гегемона в связи с этим является обращение к «силе» и «ресурсам» — важнейшим составляющим гегемонистской политики.

Политика гегемонии становится политикой империи в той ситуации, когда гегемон берет под свой контроль правила распределения ресурсов политической власти, что позволяет перейти к политике диктата правил игры, что означает по сути монопольность на политическую власть и ее концентрацию в одних руках.

Государственное строительство и развитие европейских национально-институциональных империй

проходило в соответствие с интересами формирующихся наций метрополии. В этой связи при рассмотрении геополитической субъектности империй следует говорить о государственных интересах. С учетом этой оговорки, такие формы территориально-политической организации как империи-государства эпохи модерна выступают, как региональные центры силы, а с учетом территориального разброса их колониальных владений представляется возможным говорить об их трансрегиональности в качестве центров силы.

Империям были свойственны и гегемонистские устремления, которые не могли быть в полной мере реализованы в условиях многополярности, существовавшей до начала второй половины XX в. Следует учитывать, что теоретически центр силы может быть представлен и другим типом государственности, но эпоха модерна отличается доминированием имперского типа государственности, в связи с чем оказывать определяющее влияние в региональном масштабе становились способны за редким исключением только государства-империи (примером такого исключения может служить политика США, реализуемая в соответствие с доктриной Монро).

Таким образом, в геополитическом аспекте империя-государство находится в тесной связи с устремлениями, направленными на доминирование не только по отношению к подчиненной периферии, но и другим менее значимым и мощным участникам международной политики. Более того, способность империи выступать в качестве центра силы может рассматриваться в качестве одного из ее свойств, что обуславливается также и тем обстоятельством, что зачастую внешнеполитические и военные поражения империи оказывали дестабилизирующее воздействие на всю имперскую систему.

Подводя итоги рассмотрению империи с позиций геополитических воззрений, следует отметить, что в данной трактовке империя не наделяется характерными чертами, присущими исключительно данному типу государства. Так, относительными пространственными масштабами могут обладать не имперские, вполне гомогенные государства. Экспансионистская политика может рассматриваться как характерная черта не только империи, но практически любого молодого государства, стремящегося к расширению своей территории. Геополитические и геостратегические цели, формирование сферы влияния из зависимых и союзных государств сближает империю с гегемонией, но не делает их равнозначными. Тем не менее, геополитическая трактовка империи позволяет указывать на ее специфику, но не в качестве государства, а как особого типа

политики, направленной на установление господства, содержанием которого выступает концентрация политических ресурсов и исключительное положение государства, образующего имперский центр. Геополитический анализ подчеркивает центральное положение имперской метрополии в координатах отношений центр–периферия, с одной стороны, выступающей в качестве источника политических установок и правил, с другой стороны, сосредоточения политических ресурсов и монопольного политического положения, обеспечиваемого в том числе превосходством в геополитической позиции и планировании за счет долгосрочного стратегического планирования и политики.

Политическая сущность империи, связанная с распространением своего доминирования, определяет стремление государств-империй к положению гегемона. При этом гегемонистские устремления сами по себе не делают государство империей. Несмотря на то, что США получили возможность трансформировать свое политическое, военное и экономическое лидерство в гегемонию, представляется возможным говорить лишь об отдельных чертах имперскости в политике этого государства. Во-первых, гегемонистские устремления остались нереализованными, США не удалось добиться признания в качестве гегемона. Во-вторых, на пути к гегемонии Америка оказалась

непоследовательной и безответственной, а пренебрежение геополитикой делает даже ее успехи эфемерными. Тем не менее, обращает на себя внимание то, что сила (военная, политическая, а также «мягкая сила») по-прежнему востребована этим государством.

В отношении России проведенный анализ показывает, что к ее политике в отношении государств бывших имперских окраин такая характеристика, как «имперская» не применима. Отсутствуют факты, позволяющие аргументировано утверждать экспансионистские устремления России. Воссоединение Крыма с Россией является исключительным случаем, обусловленным необходимостью предотвратить репрессии в отношении населения полуострова, национальными интересами и соображениями национальной безопасности. Нет оснований характеризовать Россию и в качестве гегемона постсоветского пространства. Россия не только остается в своих исторических границах, но и выстраивает равноправные союзнические отношения с государствами, ранее составляющими ее имперскую периферию. Также следует сказать о том, что в условиях нарастающей геополитической конкуренции, представляется необходимым обращение к опыту геополитики, который обеспечил бы политическое, экономическое и военное преобладание России.

Библиографический список

1. Брубанк, Дж., Купер, Ф. Траектория империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 325–361.
2. Дугин, А. Г. Основы геополитики. М.: АРКТОГЕЯ ЦЕНТР, 2000. 928 с.
3. Коллинз, Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
4. Маккиндер, Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.
5. Стинчкомб, А. Геополитические понятия и военная уязвимость // Война и геополитика: Время мира: Альманах. Вып. 3. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 288–294.
6. Федотов, Г. П. Судьба империй. Империй призрачных орлы... / Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2. С. 304–327.
7. Филиппов, А. Ф. Империя живет, пока есть представление об имперской миссии // Политический журнал. 2005. № 24 (75). С. 32–39.

References

1. Brubank Dzh., Kuper F. Traektoriya imperii [Empire trajectory]. Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma. [Myths and misconceptions in the study of Empire and nationalism] Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2010, pp. 325–361.
2. Dugin A. G. *Osnovy geopolitiki* [Basics of geopolitics]. Moscow: Arktogeya centr, 2000. 928 p.
3. Kollinz R. Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti [Collins R. *Macrohistory: Essays in sociology of the long run*]. Russ. ed. Moscow: URSS: LENAND, 2015. 504 p.
4. Makkinder X. Dzh. Geograficheskaya os' istorii [The geographical pivot of history]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. *Political Studies*], 1995, no. 4, pp. 162–169.
5. Stinchkomb A. Geopoliticheskie ponyatiya i voennaya uyazvimost' [Geopolitical concepts and military vulnerability]. Voina i geopolitika: Vremya mira: Al'manakh. I. 3. [War and geopolitics. Time of peace. Almanac] Novosibirsk, 2003, pp. 288–294.
6. Fedotov G. P. Sud'ba imperii. Imperii prizrachnykh orly... Sud'ba i grekhi Rossii (izbrannye stat'i po filosofii russkoi

8. Филиппов, А. Ф. Смысл империи: к социологии политического пространства // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / Под ред. С. Чернышева. Т. 3. М.: Аргус, 1995. С. 421–476.
9. Фридман, Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. 400 с.
10. Фрумкин, К. Г. Пространственная эстетика империй // Свободная мысль – XXI. 2002. № 9. С. 75–81.
11. Цымбурский, В. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика // Космополис. 2006/2007. № 2 (16). С. 26–55.
12. Шишков, В. В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации // Polis. Политические исследования. 2018. № 4. С. 22–36.
13. Шмитт, К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 6–16.
14. Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. М.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
15. Brant Ph. The Geopolitics of Chinese Aid. Mapping Beijing's Funding in the Pacific. *Foreign Affairs*, March 4, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-03-04/geopolitics-chinese-aid> (дата обращения: 14.01.2019).
16. Kaplan R. D. The revenge of geography: What the map tells us about coming conflicts and the battle against fate. New York: Random House, 2012. 432 p.
17. Keohane, O. R., Nye, S. J. Power and interdependence / O. R. Keohane, S. J. Nye. 3 rd. ed. New York: Longman 2001. 365 p.
18. Mead, W. R. The Return of Geopolitics. The Revenge of the Revisionist Powers // *Foreign Affairs*, № 3, 2014. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/return-geopolitics> (дата обращения: 14.01.2019).
19. Nye, S. J. American Hegemony or American Primacy? Режим доступа: <http://www.project-syndicate.org/commentary/american-hegemony-military-superiority-by-joseph-s-nye-2015-03> (дата обращения: 14.01.2019).
20. Stinchcombe, A. L. *Constructing Social Theories*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 320 p.
- istorii i kul'tury): V 2 t. [The fate of empires. Empires ghostly eagles ...]. St.-Petersburg: Sofiya, 1991, V. 2, pp. 304–327.
7. Filippov A. F. Imperiya zhivet, poka est' predstavlenie ob imperskoi missii [The empire lives while there is an idea of the imperial mission], *Politicheskii zhurnal*, [Political journal] 2005, no. 24 (75), pp. 32–39.
8. Filippov A. F. Smysl imperii: k sotsiologii politicheskogo prostranstva [The meaning of the empire: to the sociology of political space]. Inoe. Khrestomatiya novogo rossiiskogo samosoznaniya. [Otherwise. Anthology of new Russian identity] Pod red. S. Chernysheva. T. 3. M.: Argus, 1995, pp. 421–476.
9. Fridman Dzh. "Goryachie" tochki. Geopolitika, krizis i budushchee mira [*Friedman G. Flashpoints: The Emerging Crisis in Europe*]. SPb.: Piter, 2016, 400 p.
10. Frumkin, K. G. Prostranstvennaya estetika imperii [Spatial aesthetics of empires] // *Svobodnaya mysl'* [Free thought] – XXI, 2002, no. 9, pp. 75–81.
11. Tsyburskii V. Khelford Makinder: trilogiya khartlenda i prizvanie geopolitika. [Halford Mackinder: Heartland Trilogy and Calling Geopolitics]. *Kosmopolis* [Cosmopolis], 2006/2007, no. 2 (16), pp. 26–55.
12. Shishkov V. V. Imperiya kak ponyatie i kontsept sovremennoi politicheskoi nauki: problemy interpretatsii [Empire as a notion and concept of modern political science: the problems of interpretation] // *Polis. Politicheskie issledovaniya* [*Polis. Political Studies*], 2018, no. 4, pp. 22–36.
13. Shmitt K. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremenogo parlamentarizma. Predvaritel'nye zamechaniya (O protivopolozhnosti parlamentarizma i demokratii) [*Schmitt C. Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus*]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 2009, vol. 8, no. 2, pp. 6–16.
14. Shmitt, K. Nomos zemli v prave narodov *jus publicum europaeum* [Schmitt C. *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*], Moscow: Vladimir Dal', 2008, 670 p.
15. Brant Ph. The geopolitics of chinese aid. Mapping beijing's funding in the pacific. *Foreign Affairs*, March 4, 2015. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-03-04/geopolitics-chinese-aid> (accessed 14.01.2019).
16. Kaplan R. D. The revenge of geography: What the map tells us about coming conflicts and the battle against fate. New York: Random House, 2012. 432 p.
17. Keohane O. R., Nye S. J. Power and interdependence. 3 rd. ed. New York: Longman 2001. 365 p.
18. Mead W. R. The return of geopolitics. The Revenge of the Revisionist Powers, *Foreign Affairs*, № 3, 2014. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/return-geopolitics> (accessed 14.01.2019).
19. Nye S. J. American Hegemony or American Primacy? Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/american-hegemony-military-superiority-by-joseph-s-nye-2015-03> (accessed 14.01.2019).
20. Stinchcombe A. L. *Constructing Social Theories*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 320 p.